

О добре с кулаками, или Колено истории

Все, кто часто бывает в Вашингтоне, знают, что значительный сегмент тамошнего рынка таксомоторных перевозок держит эфиопская община. В силу каких-то исторических обстоятельств выходцы из этой африканской страны обильно представлены среди вашингтонских таксистов. Очередной из них вез меня в сентябре в аэропорт Даллес. Типичный представитель своего цеха. Хвалил Америку за демократию, ругал за все остальное, костерил Трампа и с теплотой вспоминал Советский Союз, который помогал Эфиопии, хотя там и управляла “отвратительная военная хунта”, но все равно правильно помогал.

Я не очень внимательно следил за потоком мыслей словоохотливого водителя, отделиваясь одобрительным хмыканием, пока знакомое выражение не заставило встрепенуться — “баланс сил”. “Что-что?” — “Баланс сил был раньше, в холодную войну, это же гарантия мира, да? Когда есть баланс — есть мир. И выбор был у стран, к кому примкнуть. А теперь никакого баланса и никакого выбора. Одна Америка...”

Услышать от чернокожего пикейного жилета ключевое понятие из школы реализма в международных отношениях было неожиданно. Остаток пути мы проболтали на эту тему, причем водитель, рассуждая о международных делах, проявил недюжинный здравый смысл в киссинджеринском духе. Если бы я увидел интервью с таким “простым американцем” по российскому телевидению — заподозрил бы, что он подставной. Уж очень “народная политология” расходилась с тем, что мой

собеседник мог читать и слышать в американских газетах и по телевидению в последние пару десятилетий, когда понятие “баланс сил” стало едва ли не бранным. В мире, наступившем после краха СССР и “конца истории”, призывы к балансу — как и весь российский внешнеполитический мейнстрим, обожающий оперировать этим понятием, — приравнивались к реакционному ревизионизму.

Статья Кита Дардена “Россия берет реванш: внешние угрозы и реакции режима”¹ — попытка взглянуть на эволюцию политики российского государства с позиции так называемого *Putinverstehera*. Этот немецкий термин, заимствованный и в другие языки, буквально означает “тот, кто понимает Путина”, однако в современном поляризованном контексте он обрел сугубо негативную коннотацию. “Понимание” приравнивается к “оправданию”, что считается недопустимым, поскольку российский президент практически уже зачислен в категорию безусловного зла. Так что попытка рационально объяснить его логику — вредоносная ересь. Тем не менее Кит Дарден берет на себя эту неблагодарную в западном контексте миссию, что само по себе достойно уважения.

Автор отходит от доминирующего на Западе либерального взгляда на Россию. Согласно последнему, внешняя политика Кремля — прямое продолжение внутривластного развития, которое после прихода к власти Владимира Путина свернуло на авторитарные рельсы и с тех пор только ускоряет движение в этом направлении. Дарден рассматривает

обратное влияние: как международный контекст, который на протяжении четверти века формировался почти исключительно Западом, воздействовал на эволюцию российского международного и внутреннего поведения.

Понятно, что два этих подхода друг друга не исключают, а в идеале дополняют. Особенно в глобальном мире, где грань между внешним и внутренним практически исчезла. Однако общепринятый западный взгляд состоит в том, что, хотя в отношении России и были допущены ошибки (это признают не все, но многие), неудача со встраиванием страны в тот международный порядок, который должен был сменить холодную войну, связана с провалами российской политики, ее неспособностью преодолеть комплексы, амбиции, эффект колеи и пр. То есть до последнего времени конструктивные изъяны самого мирового дизайна не рассматривались, о них заговорили только тогда, когда волна недовольства проявилась в самих западных странах, приведя к голосованию за Брекзит и победе Дональда Трампа.

Для российского читателя позиция Дардена не откроет принципиально новых горизонтов — в России уже давно идут дискуссии о том, как изменения международной среды влияли на трансформацию российской власти и модели управления. Иными словами, в какой степени внутреннее является производным от внешнего, а не наоборот.

Прежде чем рассматривать период правления Путина, надо признать, что внешний фактор играл важную роль для развития нашей страны на протяжении всего периода радикальных преобразований — со второй половины 1980-х годов. Переплетение внешнего и внутреннего принимало порой причудливые формы.

Всемирно-историческая миссия Михаила Горбачева, который войдет в историю как человек, кардинально изменивший международную политику, имела вполне внутреннюю цель. Снять с советской экономики избыточное бремя гонки вооружений, а потом и сократить объем внешних обязательств (траты на мировую систему социализма и тех, кто на нее ориентировался), чтобы высвободить ресурсы для внутреннего развития. С внут-

ренним развитием у последнего советского генсека не пошло, зато импульс перемен, ставший следствием его внешней политики, бумерангом вернулся обратно в СССР.

Национал-демократические силы в республиках Советского Союза воспроизводили логику антикоммунистических и антиимперских движений в Восточной Европе, которая стала главным бенефициаром инициированных Горбачевым перемен. Демократы в Российской Федерации, постепенно сконцентрировавшиеся вокруг Бориса Ельцина, добились успеха на общей восточноевропейской волне, хотя применительно к ним антиимперская логика выглядела довольно странно — метрополия вдруг решила влиться в ряды борющихся колоний и возглавить борьбу со своим собственным империализмом. Однако сторонники перемен эффективно использовали мировой тренд, то есть фактор Запада как точки притяжения послужил важным инструментом для фундаментальных внутренних изменений в России.

1990-е годы были временем мучительного осознания того, что Россия при всем желании не в состоянии превратиться в обычную европейскую периферию и двинуться путем остального посткоммунистического мира — в ЕС и НАТО. Тем не менее российская трансформация того периода тоже была неразрывно связана с внешним, прежде всего западным, фактором. Зависимость российской экономики от внешнего кредитования на протяжении всего последнего десятилетия прошлого века давала западным институтам эффективный инструмент регулирования российской внешней политики. Отечественным дипломатам, работавшим в девяностые годы, есть что рассказать об унижительном положении, в котором они себя ощущали. Попытки отстоять российское представление и интересы, например в ходе боснийской войны, наталкивались на откровенные предупреждения: мол, “неправильное голосование” по какой-либо резолюции в СБ ООН осложнит получение следующего транша экономической помощи².

С другой стороны, сами российские власти охотно увязывали внутреннее и внешнее для достижения своих целей. Запугивание

Запада тем, что если вы не поддержите нас, то придут страшные коммунисты/фашисты и вам же будет хуже, стало распространенным методом коммуникации. Достаточно вспомнить самый нашумевший пример — выступление главы МИД Андрея Козырева на министерской встрече ОБСЕ в Стокгольме, где Козырев, заговорив на языке своего возможного преемника, обрушил на Запад поток гневных угроз (сам он потом объяснил, что выступление имело целью предостеречь против чрезмерного давления на Россию³).

Как бы то ни было, к моменту появления Владимира Путина на высшем посту внутренние и внешние обстоятельства уже стали инструментами запутанного воздействия, не экономической, но политической взаимозависимости. Путин как раз попытался развязать этот узел, сделав важнейшим приоритетом первой фазы своего президентства скорейшую расплату с долгами (что и произошло к 2003 году). По его тогдашним представлениям, России следовало восстановить и нарастить свои возможности, чтобы вступить в равноправный диалог с ведущими странами о принципах плодотворного партнерства.

Тут и выяснилось, что никакого равноправия быть не может, поскольку западная, прежде всего американская, гегемония в мире базируется на таком преимуществе США по всем параметрам силы и влияния, что у них просто не может быть равных собеседников. Следовательно, нет и никакого баланса.

Соединенные Штаты обоснованно гордятся закрепленной в Конституции системой сдержек и противовесов. Нынешняя борьба вокруг Дональда Трампа, который сдержек признавать не хочет, еще раз показывает важность, но и в целом эффективность такой модели. Тем более примечательно, что поведение США на международной арене исходит из прямо противоположных постулатов — отрицания необходимости сдержек, то есть того самого баланса.

Кит Дарден замечает:

“Сила, в особенности военная, может свести на нет способность страны распространять свои идеи. Демократические ценности, возможно, сами по себе истинны, но когда они

звучат из уст самого могущественного государства за всю историю человечества, эта истина вполне может показаться ложью”.

В этом кроется, пожалуй, главное противоречие эпохи, наступившей после холодной войны, которое люди, воспитанные в советской литературной традиции, легко соотнесут с пьесой Евгения Шварца “Дракон” — победитель страшного монстра сам быстро переживает его черты. А настоящим кредо конца XX — начала XXI века могло бы стать другое известное произведение советской литературы: стихотворение Станислава Куняева “Добро должно быть с кулаками...”, где среди прочего есть такие строчки:

*“...смысл истории в конечном
в добротном действии одном —
спокойно вышибать коленом
доброе не сдавшихся добром!”*

Судьба некоторых из нынешних обитателей преисподней — Саддама Хусейна, Слободана Милошевича, Муаммара Каддафи — итог именно такого “смысла истории”. Сейчас избежать их печального опыта общения с “коленом” пытается своеобразным путем Ким Чен Ын.

Конец холодной войны принес действительно уникальную ситуацию. Носителем либеральной идеологии, одержавшей, как казалось, окончательную победу над своими оппонентами, стал самый сильный в истории военно-политический альянс. Тот факт, что победа была одержана без боя, то есть противник капитулировал, добавлял уверенности в собственной правоте — не силовом преимуществе, а именно морально-интеллектуальной правоте. А она, в свою очередь, давала основания для реализации всеми доступными способами собственных представлений о должном и сущем. Наступил “конец истории”, и ее “колени” ощутили себя в силах и праве “вышибать” во имя прогресса кого и куда угодно. “Добро” соединилось с “силой” и “правдой”, что создало впечатление “несокрушимой свободы” (не случайно именно так называлась операция возмездия против Афганистана после терактов 11 сентября 2001 года).

Герой одного из самых знаменитых российских фильмов конца XX века “Брат-2”, ветеран войны в Чечне Данила Багров, в кульминационной сцене спрашивал американского коррумпированного магната: “Вот скажи мне, американец, в чем сила? Разве в деньгах? У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильнее!”

На дворе был 2000 год. Еще совсем недавно Россия объявила дефолт — экономика пузыря, надутого к концу 1990-х годов, лопнула. Россия вела кровопролитную войну в Чечне — вторую после фактически проигранной первой. Годом раньше НАТО атаковала Югославию (первое настолько безапелляционное действие “добра с кулаками”), что произвело сильное впечатление на российскую публику. Даже многие западники засомневались в либеральных постулатах, которые позволяют в мирное время бомбить столицу не последнего европейского государства. В искренность аргументов Запада, что война велась исключительно во имя предотвращения гуманитарной катастрофы в Косово, в России мало кто верил. “Добро” переусердствовало.

Сила в правде — за этим манифестом стояла мысль о том, что правда — не у вас, не у тех, кто силен физически. Сила в правде, потому что другой силы у нас нет, — популярную цитату из фильма можно прочитать и так. К моменту, когда снимался “Брат-2”, Россия достигла, наверное, самой низкой точки, когда всерьез начал обсуждаться вопрос о возможности ее распада по модели СССР.

Хаос 1990-х годов до сих пор не вполне понят на Западе, к тому моменту он только-только начал сменяться относительной стабилизацией. Распространенная в США и Европе точка зрения заключается в том, что хотя распад Советского Союза, конечно, принес русским много страданий и лишений и в это время случилось немало ужасного, но это была неизбежная цена. Зато страна встала на верный путь построения современного демократического государства, и если бы она с него не свернула после прихода Владимира Путина, то многое из того, что произошло потом, не случилось бы.

Восприятие внутри совсем другое. Собственно, поворот, сделанный при Путине,

стал возможен прежде всего по той причине, что общество устало от постсоветской реальности — от постоянных экономических потрясений, разрушения привычного социального порядка, вопиющего роста неравенства и ощущения того, что страна откатывается куда-то в третий дивизион мира и по уровню жизни, и по международному влиянию. Первая программная статья Путина, опубликованная за день до неожиданной отставки Бориса Ельцина 31 декабря 1999 года, содержала один главный призыв — вернуть Россию в первый эшелон стран. И это нашло широкий отклик среди российского населения.

А дальше встал вопрос, как это делать. Ельцин и его команда (точнее, сменявшие друг друга команды) тоже хотели восстановить влияние России и вернуть ей престиж. Но понимали это как интеграцию страны в клуб ведущих государств на равноправных основаниях и как бы по взаимному соглашению. Путин изначально верил прежде всего в силу, однако на первом этапе продолжал прежнюю интеграционную линию, рассчитывая, как сказано выше, добиться более или менее паритетного статуса. Поворотный пункт в его сознании, а как следствие и в российской политике, приходится на 2003 год. Во-первых, вторжение США в Ирак стало для российского руководства наглядным свидетельством того, что Соединенные Штаты будут делать то, что хотят и считают нужным, не обращая внимания ни на какие формальные обстоятельства. Во-вторых, поддержав Париж и Берлин в их противостоянии с Вашингтоном, Москва рассчитывала на прорыв в отношениях с Евросоюзом. А это с самого начала было приоритетом Путина. Но прорыва не случилось — политическое единение против иракской авантюры никак не изменило характер функционирования ЕС, в котором первична не политика, а бюрократическая процедура. За иракской войной последовали цветные революции в Грузии и на Украине, которые окончательно убедили Кремль в том, что Запад встал на путь необратимой экспансии и намерен учитывать только те интересы России, которые он сам разрешит ей считать национальными. Договориться нельзя, можно только доказать свои права в схватке, продемонстрировав силу.

“Мы проявили слабость, а слабых бьют”. Эти слова Владимир Путин произнес в сентябре 2004 года во время кризиса с захватом заложников в Беслане, но относились они не только к террористам. Он имел в виду обобщенных тех, кто не хочет восстановления российского влияния и роли в мире.

Путин изменил концептуальный подход, фактически действуя как лидер проигравшей страны. Страны, потерпевшей поражение в холодной войне. До него события рубежа девяностых годов официально трактовались иначе — Россия вместе с другими победила коммунистический режим, то есть относилась к лагерю победителей. Нельзя сказать, чтобы эта интерпретация многими воспринималась всерьез. Скорее, в России было распространено “веймарское” мироощущение, и только необходимость постоянно бороться за выживание и слабость гражданского общества уберегли от наиболее радикальных политических проявлений. На Западе же Россия, пусть в основном неофициально, воспринималась как проигравшая сторона, которая не имеет ни возможностей, ни права претендовать на ведущие роли.

Путин апеллировал к желанию реванша, которое присутствовало в российском обществе. Если не реванша территориального — об этом до 2014 года никто всерьез не думал, — то реванша в смысле статуса на международной арене, восстановления силы, необходимой для влияния и уважения со стороны других стран. И это сработало лучше, чем рассуждения об интеграции в глобальную экономику и в “цивилизованное сообщество”. В “добро” никто уже не верил. Десятилетие с 2007-го (речь в Мюнхене) по 2017 год — время, когда Россия аккумулировала силу и с ее помощью доказывала свою способность играть ведущую роль в мире. Речь шла о силе прежде всего военно-политической и дипломатической — в России, где царствует классическое мышление в сфере международных отношений, никогда особенно не воспринимали новомодные понятия, наподобие “мягкой силы”. Герой “Брата-2”, говоривший о “правде”, то есть вроде как “мягкой” силе, на самом деле демонстрировал, что единственным способом торжества правды является приме-

нение обычной физической силы, без нее никакая правда не возьмет верх. Зато ощущение собственной правоты полностью оправдывает применение силы для ее доказательства.

В случае с Россией последних десятилетий можно говорить не столько о ностальгии по силе, сколько о паническом страхе слабости перед лицом гигантской силы “добра”. Этот страх — быть застигнутым врасплох очередным вторжением, позволить противнику подорвать себя изнутри, утратить волю и способность к сопротивлению — сопровождал всю российскую историю. Он был движущей силой экспансии, постоянного желания расширить буферную зону, отодвинуть потенциального агрессора от центра. В такой логике обрушение геополитических позиций СССР и стремительное расширение НАТО, то есть сдвиг линии соприкосновения далеко на восток, был осуществлением кошмарного сна. А снисходительные заклинания Запада “ну что вы, право, это же все ради демократии и процветания, вам же будет лучше” воспринимались как все более злостное лицемерие.

Но и этот этап закончился. Четверть века со времени окончания холодной войны и распада Советского Союза страна действовала в парадигме восстановления (“реванша”) — государственности, экономики, политической системы, международных позиций. Допуская некоторое упрощение, можно сказать, что все это время российское общество и государство развивались в шлейфе событий 1991 года (и того, что к ним привело). Пройденный путь можно оценивать по-разному. Он сочетал в себе исторически неизбежное и конъюнктурно необязательное, вынужденное и надуманное, героические усилия и фатальные просчеты. Как бы то ни было, эпоха завершилась. В первую очередь потому, что она завершилась и на мировой арене в целом.

В режиме “после холодной войны” существовала до недавнего времени не одна Россия, но и Запад, а как следствие — международная политика вообще. Только Россия — с чувством поражения и желанием наверстать упущенное, а Запад — с ощущением собственной абсолютной правоты и самолюбованием. В период между 2008 и 2016 годами (от мирового финансового кризиса до Брекзита и Трампа) упоение

собой на Западе постепенно сменялось тревогой, и в конце концов стало очевидно, что все пошло не так, как предполагалось в конце прошлого столетия.

Кит Дарден прав: «Поскольку самое сильное государство в мире практикует «силовой» либерализм, возникают опасения, что свобода будет использована как предлог для вмешательства во внутренние дела других стран». Едва ли это кого-то чему-то научит в долгой исторической перспективе — мессианство заложено в самой природе западной цивилизации, и, если вновь возникнет ситуация столь же безоговорочного доминирования, как в конце XX века, «кулаки» вновь зачешутся. Но сейчас эта фаза миновала, поскольку изменилось то самое соотношение сил, с которого мы начали. Баланса не возникло, но дисбаланс стал настолько сложным и многомерным, что больше не дает решающего преимущества самому сильному, зато резко повышает его риски. Пресловутые гибридные методы противостояния — попытка достичь баланса в мире, где подлинное равновесие невозможно.

Общее и для Москвы, и для западных столиц обстоятельство состоит в следующем: ссылаться на то, что происходило в конце 1980-х — начале 1990-х годов, для легитимации собственных действий (неважно, идет ли речь об удержании возникшей тогда расстановки сил или о стремлении ее изменить) не имеет смысла. Это больше не служит действенным аргументом. Нужны доводы совсем нового качества. Момент торжества «добра с кулаками» больше не есть «час X».

Дональду Трампу бессмысленно втолковывать, что с Россией после холодной войны обошлись не по-джентльменски, он просто не поймет, что тут не так. В мире real estate

только таким образом себя и ведут. Запад погружается в решение внутренних проблем, период экспансии сменяется сосредоточением. Россия начинает понимать, что внешнеполитическое самоутверждение больше не может компенсировать внутреннюю экономическую и социальную слабость. Для успеха нужна другая сила, не военно-политическая — точнее, отнюдь не только она. И, видимо, другая правда. Современное общество уже провозгласило миром «постправды» (post-truth). Россию считают мастером манипуляций в этой среде, но в действительности это вынужденное маневрирование, призванное скрыть все более очевидное отсутствие идеи и цели развития. Эта пустота превращается в очевидную слабость, ту самую, которой всегда так боялись российские правители. Что же касается страхов Запада по поводу эпохи «постправды», то в этом нетрудно увидеть отголосок эйфории 1990-х — просто монополия на правду утрачена; оказалось, что у других она может быть своя, а вместе с собственной правдой появляются и инструменты ее навязывания другим.

Но вот наступает следующий этап. Америка, во всяком случае Америка Трампа (хотя едва ли стоит успокаивать себя тем, что экстравагантный президент — не более чем аберрация и морок скоро рассеется), больше не хочет быть силой добра. Она хочет быть просто силой, которая отстаивает свои интересы. И при этом практически официально объявляет себя проигравшей от глобализации и стремится к реваншу. Превращение в Дракона идет опережающими темпами. Кулаки уже вполне способны обойтись без добра как универсального легитиматора. А значит, баланс становится острой необходимостью, кулаки и колени без сдержек и противовесов превращаются просто в атрибуты хулигана.

Примечания

- 1 DARDEN K.A. *Russian Revanche: External Threats & Regime Reactions* // Daedalus. Spring 2017. Vol. 146, Issue 2. P. 128–141. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/DAED_a_00440 (доступ 02.10.2017). Русский перевод см. в нынешнем номере *Контрапункта* — URL: http://www.counterpoint.org/9_darden (доступ 02.10.2017).
- 2 Как вспоминал первый замминистра иностранных дел России тех лет Анатолий Адамишин, “американцы жали на нас не только в Нью-Йорке и Вашингтоне. Кристофер звонил в Москву — замминистра Мамедову: «Мы хотели бы предостеречь Россию от использования права вето при голосовании резолюции в Совете Безопасности, поскольку это нанесет ущерб российско-американским отношениям. В частности, это может усложнить усилия американской администрации по обеспечению поддержки в Конгрессе вопроса об оказании помощи России». Помощи-то еще никакой нет, на одних обещаниях выбивают из нас все новые уступки”. См.: Адамишин А. *Югославская прелюдия* // Россия в глобальной политике. 2013. 31 августа. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Yugoslavskaya-prelyudiya-16104> (доступ 02.10.2017).
- 3 Кох А., Авен П. *Андрей Козырев: настоящий камикадзе* // Forbes. 2011. 28 сентября. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze> (доступ 02.10.2017).